

РЕБЕККА КУАНГ

ОПИУМНАЯ ВОЙНА

Премия им.
Уильяма
Кроуфорда

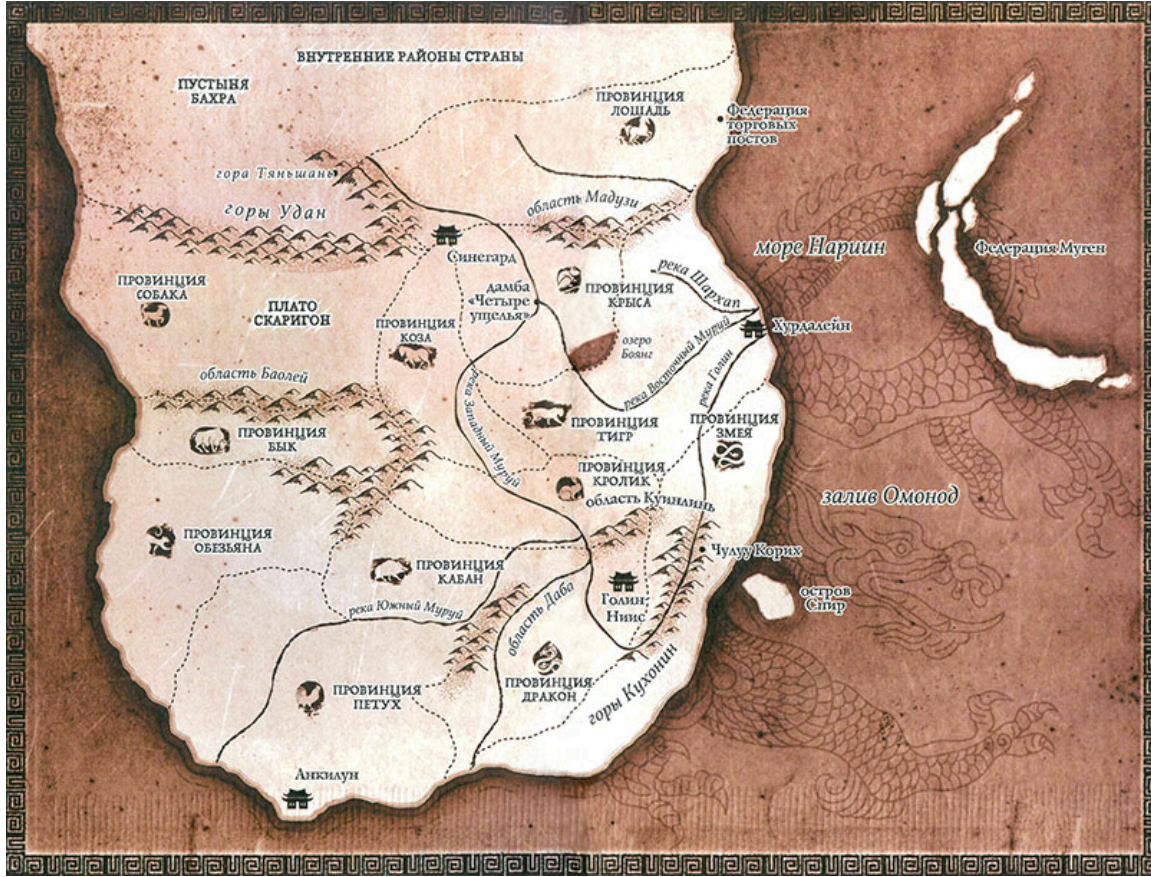
Премия
Reddit Fantasy
Award

Мемориальная
премия
Комптона
Крука

УЧЕНИЦА
СОЛДАТ
БОГИНЯ

18+

Ребекка Куанг
Опиумная война

Посвящается Айрис

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Глава 1

— Раздевайся.

— Что?! — вытаращила глаза Рин.

Надзиратель оторвал взгляд от бумаг.

— Протокол для предотвращения обмана. — Он махнул рукой в другой конец комнаты, на надзирательницу. — Ступай с ней.

Рин скрестила руки на груди и подошла к надзирательнице. Та повела ее за ширму, ощупала на предмет того, не засунула ли она куда-нибудь материалы для экзамена, а потом протянула бесформенный синий мешок.

— Надень, — велела она.

— Это точно необходимо?

Рин разделась, стуча зубами. Экзаменационная рубашка оказалась ей велика, пришлось закатать рукава.

— Да. — Надзирательница жестом велела сесть на скамью. — В прошлом году поймали двенадцать студентов с зашитыми в подкладку шпаргалками. Мы принимаем меры предосторожности. Открой рот.

Рин подчинилась.

Надзирательница надавила на язык тонкой палочкой.

— Цвет не изменен, это хорошо. Открой глаза пошире.

— С чего бы кому-то принимать перед экзаменом наркотики? — спросила Рин, пока надзирательница поднимала ее веки.

Та не ответила.

Надзирательница махнула Рин, чтобы шла в коридор, где неровной вереницей выстроились другие потенциальные студенты — с пустыми руками и напряженными лицами. На экзамен они не брали ничего, ведь в кисть тоже можно засунуть скрученные шпаргалки.

— Держите руки так, чтобы мы их видели, — приказал надзиратель, расхаживая перед шеренгой. — Рукава закатать выше локтя. Друг с другом не разговаривать. Если кому-то нужно в туалет, поднимите руку. В дальнем углу зала есть ведро.

— А если приспичит по-большому? — спросил какой-то парень.

Надзиратель смерил его долгим взглядом.

— Экзамен длится двенадцать часов, — извиняющимся тоном добавил парень.

Надзиратель пожал плечами.

— Тогда постарайтесь не шуметь.

Рин слишком волновалась, чтобы позавтракать. Одна мысль о еде вызывала тошноту. Желудок и кишечник были пусты. Лишь разум наполнен, забит безумным количеством математических формул, поэм, научных трактатов и исторических дат, которые предстояло излить на экзаменационный лист. Она была готова.

Аудитория вмещала сотню абитуриентов. Столы выстроены аккуратными рядами по десять в каждом. На каждом столе — толстый экзаменационный буклет, чернильница и кисть для письма.

Во многих провинциях Никана для тысяч абитуриентов каждый год отводили целиком здание городской управы. Но городок Тикани в провинции Петух был всего лишь селом, населенным крестьянами. В Тикани больше нуждались в рабочих руках для полей, чем в отпрысках с университетским образованием. В Тикани для экзамена хватало и одной комнаты.

Рин вошла в нее с другими претендентами и заняла предназначенное ей место. Она задумалась о том, как абитуриенты выглядят сверху — аккуратные квадратики черных волос, одинаковые синие рубахи и коричневые деревянные столы. Представила многочисленные аудитории по всей стране, где все в нервном предвкушении смотрят на водяные часы.

Зубы Рин отбивали безумное стаккато, причем не от холода, и, вероятно, этот звук слышали все остальные. Она стиснула челюсти, но тогда дрожь побежала по рукам и коленям. Кисть для письма тряслась в ладони, разбрызгивая по столу черные кляксы.

Рин сжала кисть покрепче и написала свое имя на титульном листе буклета. «Фан Рунин».

Волновалась не только она. Судя по звукам, в дальних рядах кого-то уже вырвало.

Она стиснула пальцами бледные шрамы от ожогов на запястье и выдохнула. «Сосредоточься».

В углу тихо звякнули водяные часы.

— Начали, — сказал экзаменатор.

Зашелестела сотня экзаменационных буклетов, как будто разом вспорхнула стайка воробьев.

Два года назад, когда регистрационная палата Тикани постановила, что Рин исполнилось четырнадцать, ее вызвали к себе приемные родители.

Такое случалось редко. Обычно Фаны делали вид, что Рин не существует, пока для нее не находилось задания, а потом отдавали приказы, как собачонке. Запри лавку. Развесь белье. Отнеси пакет с опиумом соседям и не вздумай уходить, пока не сдерешь с них вдвое больше той суммы, которую заплатили мы.

В гостевом кресле восседала женщина, которую Рин никогда прежде не видела. Лицо было покрыто толстым слоем чего-то вроде белой рисовой муки, не считая островков цвета на губах и веках. Она была в ярко-лиловом платье с узором из цветов сливы, но фасон годился, скорее, для девушки вдвое моложе. Приземистая фигура переваливалась через боковины кресла, как мешок с зерном.

— Это та самая девочка? — спросила гостя. — Хм. Уж больно смуглая, инспектор и бровью не поведет, если вы слегка не прибавите цену.

У Рин возникло кошмарное подозрение о происходящем.

— Кто вы? — спросила она.

— Сядь, Рин, — велел дядюшка Фан.

Он твердо указал ей на стул. Рин тут же пустилась наутек. Тетушка Фан схватила ее за руку и притащила обратно. Последовала короткая схватка, тетушка Фан одолела Рин и толкнула ее к стулу.

— Я не пойду в бордель! — завопила Рин.

— Она не из борделя, дура, — огрызнулась тетушка Фан. — Сядь. Выкажи хоть каплю уважения свахе Лью.

Сваху Лью этонисколько не побеспокоило, по работе она часто сталкивалась с обвинениями в торговле секс-товаром.

— Тебе очень повезло, милая, — сказала она бодро и с наигранной лаской. — Хочешь узнать почему?

Рин вцепилась в край стула и уставилась на красные губы свахи.

— Нет.

Улыбка свахи Лью слегка потухла.

— Ну разве не милашка?

Оказалось, что после долгих и упорных поисков сваха Лью нашла в Тикани мужчину, желающего жениться на Рин. Это был богатый

торговец, импортер свиных ушей и акульих плавников. Он уже дважды развелся и был втрое старше.

— Ну разве не чудесно? — просияла сваха Лью.

Рин бросилась к двери. Она не успела сделать и двух шагов, как тетушка Фан схватила ее за руку.

Рин знала, что за этим последует. Она приготовилась выдержать удар, тычки по ребрам, где не видно синяков. Но тетушка Фан только подтащила ее обратно к стулу.

— Веди себя прилично, — прошептала она, и стиснутые зубы обещали наказание, но не сейчас, не в присутствии свахи Лью.

Тетушка Фан не любила творить жестокости на людях.

Не знаящая об этом сваха Лью прищурилась.

— Не бойся, милая. Это так чудесно!

Рин замутило. Она повернулась, чтобы посмотреть на приемных родителей, и постаралась говорить спокойно:

— Я думала, что нужна вам в лавке.

Почему-то больше ничего в голову не шло.

— Лавкой займется Кесеги, — ответила тетушка Фан.

— Кесеги всего восемь.

— Он скоро вырастет. — Глаза тетушки Фан блестели. — А твой будущий муж — как раз местный инспектор по импорту.

И тогда до Рин дошло. Фаны заключили простую сделку: сирота взамен на почти что монополию на черном рынке опиума в Тикани.

Дядюшка Фан глубоко затянулся из трубки и наполнил комнату густым тошнотворным дымом.

— Он богат. Ты будешь счастлива.

Нет, это Фаны будут счастливы. Они смогут импортировать опиум крупными партиями, не тратясь на взятки. Но Рин держала рот на замке — дальнейшие споры принесут только боль. Ясно, что Фаны выдадут ее замуж, даже если придется волоком тащить в супружескую постель.

Рин никогда не была им нужна. Они взяли ее только потому, что указ императрицы после Второй опиумной войны повелевал всем семьям меньше чем с тремя детьми усыновить сирот, которые иначе стали бы ворами и попрошайками.

А раз детоубийство в Тикани не приветствовалось, Фаны сделали Рин продавщицей и опиумным курьером, как только она научилась

считать. И все же, несмотря на бесплатный труд, Фаны считали, что тратят на кормежку и содержание Рин слишком много. И теперь получили возможность избавиться от нее и этого финансового бремени.

Торговец может кормить и одевать Рин до конца ее дней, объяснила сваха Лью. Ей лишь надлежит окружить его нежностью, как положено хорошей жене, рожать детей и следить за домом (в котором, отметила сваха Лью, есть целых две уборные). Это самая лучшая сделка, на какую может рассчитывать военная сирота вроде Рин, без родни и связей.

Муж для Рин, деньги для свахи и наркотики для Фанов.

— Ух ты, — тихо выдохнула Рин. Пол под ее ногами ходил ходуном. — Прекрасно. Просто отлично.

Сваха Лью снова просияла.

Рин скрыла панику, стараясь дышать ровно, пока сваху не проводят из дома. Она низко поклонилась Фанам и, как преданная приемная дочь, поблагодарила за хлопоты, что добились для нее такого стабильного будущего.

Она вернулась в лавку, где проработала до темноты — принимала заказы, наполняла полки, отмечала новые заказы в книге.

Закавыка была в том, что приходилось очень аккуратно обращаться с цифрами при записи заказов. Так просто спутать девятку с восьмеркой. А еще проще — семерку с единицей.

Давно уже скрылось солнце, когда Рин вышла из лавки и заперла дверь.

Потом сунула пакет с краденым опиумом под рубаху и побежала.

— Рин? — Из двери библиотеки высунулся иссохший человек небольшого роста. — Великая черепаха! Что ты здесь делаешь? Льет как из ведра.

— Пришла вернуть книгу, — ответила она, протягивая влагонепроницаемый пакет. — А еще я выхожу замуж.

— Ясно. Что?! Входи.

Учитель Фейрик давал бесплатные уроки для крестьянских детей Тикани, в противном случае они выросли бы неграмотными. Рин доверяла ему больше, чем кому бы то ни было, и как никто другой понимала его слабости.

А потому он стал важной вехой в плане побега.

— Ваза пропала, — заметила она, оглядев тесную библиотеку.

Учитель Фейрик разжег камин и закрыл его шторкой. Потом жестом пригласил Рин сесть.

— Неудачная игра. Да и весь вечер.

Учитель Фейрик имел пагубное пристрастие к «Дивизионам» — чрезвычайно популярной игре в игорных притонах Тикани. Но хуже всего то, что он был плохим игроком.

— Бессмыслица какая-то, — заявил учитель Фейрик, когда Рин поведала ему новости о свахе. — С чего бы Фанам выдавать тебя замуж? Ты же их бесплатная рабочая сила!

— Да, но они решили, что я буду полезнее в постели инспектора по импорту.

— Вот же мерзавцы! — возмутился учитель Фейрик.

— Так вы поможете? — с надеждой спросила Рин.

Он вздохнул.

— Дорогая девочка, если бы твои родители отправили тебя учиться в более юном возрасте, можно было бы об этом подумать... Я рассказал Фанам о твоём потенциале. Но сейчас ты говоришь о невозможном.

— Но...

Он поднял руку.

— Больше двадцати тысяч претендентов каждый год сдают кэцзюй, и только три тысячи поступают в академии. А из Тикани — всего несколько человек. Ты будешь соревноваться с детьми из богатых семей — семей торговцев и людей благородного сословия, которые всю жизнь учились.

— Но ведь я брала у вас уроки. Неужели экзамен такой сложный?

Учитель хмыкнул:

— Ты умеешь читать и пользоваться счетами. Этого недостаточно, чтобы сдать кэцзюй. Для этого экзамена требуются глубокие знания истории, математики, логики и классической литературы...

— Четыре благородных предмета, я знаю, — нетерпеливо проговорила она. — Но я быстро схватываю. Я знаю больше иероглифов, чем большинство взрослых деревни. Уж точно больше Фанов. Я могу догнать других учеников, если вы только позволите мне попробовать. Мне даже не нужны уроки. Только книги.

— Читать книги — это одно, — сказал учитель Фейрик. — А подготовка к кэцзюй требует полного погружения. Мои ученики посвящают этому всю жизнь, по девять часов в день, семь дней в неделю. А ты вместо этого работаешь в лавке.

— Я могу заниматься и в лавке, — возразила Рин.

— Разве у тебя там нет обязанностей?

— Я умею делать несколько дел одновременно.

Учитель скептически оглядел Рин, а потом покачал головой.

— У тебя есть только два года. Ничего не выйдет.

— Но у меня нет другого выхода, — выкрикнула она.

В Тикани незамужняя девушка вроде Рин стояла не дороже петуха. Она могла бы стать служанкой в богатом доме — если бы подкупила нужных людей. А иначе только два пути — проституция или попрошайничество.

И это не преувеличение, как бы театрально ни звучало. Рин могла бы сбежать из города на украденный опиум, купив проезд в караване в какую-нибудь другую провинцию. Но куда ехать? У нее нет ни друзей, ни семьи, никто не придет на помощь, если ее похитят или ограбят. У нее нет никаких полезных умений. Она никогда не покидала Тикани и ничего не знает о выживании в крупном городе.

А если ее схватят с таким количеством опиума... Хранение опиума в империи считалось тяжким преступлением. Ее отволокут на городскую площадь и публично обезглавят, как очередную жертву безуспешной войны империи против наркотиков.

Есть только один выход. Нужно убедить учителя Фейрика.

Рин протянула книгу, которую пришла вернуть.

— Это Мэн-цзы, «Размышления об искусстве управления государством». Я держала ее всего три дня, верно?

— Да, — согласился учитель, сверившись с записями.

Рин вручила ему книгу.

— Прочитайте что-нибудь. Любой абзац.

Учитель Фейрик по-прежнему смотрел на нее скептически, но пролистал книгу до середины, чтобы порадовать Рин.

— Чувство сострадания — это принцип...

— Благотворительности, — закончила она. — Чувство стыда и негодования — основа праведности. Чувство скромности и

почтительности — это основа... основа... э-э-э... уместности. Чувство правды и неправды — это основа приобретения знаний.

Он поднял брови.

— И что это значит?

— Понятия не имею, — призналась Рин. — Если честно, я совсем не понимаю Мэн-цзы. Просто запомнила наизусть.

Учитель Фейрик пролистал книгу до конца, выбрал еще один пассаж и прочитал:

— «Порядок присутствует в земном царстве, когда все знают свое место. Все знают свое место, когда выполняют предназначенные им роли. Рыба не пытается взлететь. Хорек не пытается плавать. Лишь когда каждая тварь уважает небесный порядок, может настать мир». — Он захлопнул книгу и поднял взгляд. — А как насчет этого? Ты понимаешь, о чем здесь?

Рин знала, что пытается сказать учитель Фейрик.

Никанцы считали, что каждому отведена своя роль, все с рождения занимают свое место в иерархии. Все под небесами занимает свое место. Принцы становятся наместниками, кадеты — военными, а девочки-сироты из Тикани должны довольствоваться тем, что предназначено девочкам-сиротам из Тикани. Кэцзюй вроде бы предназначен для того, чтобы выбирать лучших, но на самом деле лишь богачи имеют достаточно денег, чтобы оплатить детям учителей, необходимых для сдачи экзамена.

Ну и пошел он пропадом, этот небесный порядок! Если ей предназначено выйти замуж за старика, то Рин перепишет эту роль.

— Это значит, что я отлично запоминаю всякую чушь, — сказала она.

Учитель Фейрик ответил не сразу.

— У тебя нет эйдетической памяти, — наконец сказал он. — Я учил тебя читать. Я бы знал.

— Верно, — согласилась она. — Но я упряма, усердно занимаюсь и не хочу замуж, совсем не хочу. Мне потребовалось три дня, чтобы запомнить Мэн-цзы. Это короткая книга, так что для более длинных текстов понадобится неделя. Но сколько текстов в списке кэцзюй? Двадцать? Тридцать?

— Двадцать семь.

— Тогда я запомню все. Каждую книгу. Это все, что нужно для сдачи кэцзюй. Другие предметы не так трудны, заваливаются в основном на классической литературе. Вы сами говорили.

Учитель Фейрик прищурился, выражение его лица больше не было скептическим — он что-то прикидывал. Рин знала этот взгляд. Так он пытался рассчитать свои результаты в «Дивизионе».

В Никане успех учителя связан с его репутацией в зависимости от результатов кэцзюй. Если ученики поступают в академию, это привлекает новых. Больше учеников — больше денег, а для задолжавшего игрока вроде учителя Фейрика каждый новый ученик на счету. Если Рин поступит в академию, прилив новых учеников даст учителю Фейрику возможность покрыть самые неприятные долги.

— В этом году запись запоздала, верно? — поднажала Рин.

Учитель поморщился.

— В этом году засуха. Конечно, запись идет медленно. Не так уж много семей готовы оплатить учебу, если у их детей все равно мало шансов поступить.

— Но я могу поступить, — сказала Рин. — А когда поступлю, у вас будет сдавшая экзамен ученица. Как, по-вашему, это отразится на вашей школе?

Он покачал головой.

— Рин, я не могу брать с тебя деньги.

Это обрисовало вторую проблему. Рин собралась с духом и посмотрела ему прямо в глаза.

— Ничего страшного. Я и не могу заплатить.

Учитель был явно разочарован.

— В лавке я ничего не зарабатываю, — сказала Рин, прежде чем он смог вставить хоть слово. — Товар не мой. Я не получаю жалованье. Мне нужно, чтобы вы бесплатно помогли мне подготовиться к кэцзюй и в два раза быстрее, чем учите остальных.

Учитель Фейрик снова покачал головой.

— Моя дорогая девочка, я не могу, это... это...

Пришло время разыграть последнюю карту. Рин вытащила из-под стула кожаную сумку и водрузила ее на деревянный стол со звучным шлепком.

Взгляд учителя Фейрика с воодушевлением последовал за ее рукой, когда Рин вытащила из сумки тяжелый пакет со сладким запахом.

Потом еще один. И еще один.

— Превосходный опиум на шесть лянов, — невозмутимо объявила она.

Такую сумму учитель Фейрик зарабатывал за полгода.

— Ты украла его у Фанов, — с сомнением произнес он.

Рин пожала плечами.

— Контрабанда — непростое занятие. Фаны знают, чем рискуют. Товар постоянно пропадает. Вряд ли они станут жаловаться судье.

Учитель потербил длинные усы.

— Мне не хотелось бы перебегать дорогу Фанам.

Он имел причины для страха. Жители Тикани предпочитали не ссориться с тетушкой Фан, если заботились о своем благополучии. Она была терпелива и непредсказуема, как змея. Могла годами таить обиду, а потом ударить с хорошо рассчитанной дозой яда.

Но Рин позаботилась о том, чтобы замести следы.

— На прошлой неделе власти в порту конфисковали одну поставку, — объяснила Рин. — А у нее пока что не было времени проверить запасы. Я просто помечу эти пакеты как утерянные. Она их не отследит.

— Но они могут тебя поколотить.

— Не слишком сильно, — пожала плечами Рин. — Они не выдадут замуж поврежденный товар.

Учитель Фейрик с жадностью уставился на сумку.

— Договорились, — наконец сказал он и потянулся за опиумом.

Рин отодвинула пакет.

— Четыре условия. Первое — вы меня обучаете. Второе — обучаете бесплатно. Третье — вы не курите во время урока. И четвертое, если скажете кому-нибудь, где вы это достали, я сообщу кредиторам, где вас искать.

Учитель Фейрик долгую секунду смотрел на Рин, а потом кивнул.

Она откашлялась.

— А еще я хочу взять эту книгу себе.

Он криво улыбнулся:

— Из тебя вышла бы отвратительная проститутка. Никакого обаяния.

— Нет, — сказала тетушка Фан. — Ты нужна в лавке.

— Я буду учиться по ночам, — возразила Рин. — Или в перерыве.

Лицо отдраивающей сковородку тетушки Фан скривилось. В тетушке Фан все было грубым и резким — выражение лица, открытое нетерпение и раздражение, красные от уборки и стирки пальцы, хриплый голос, когда она орала на Рин, своего сына Кесеги, наемных контрабандистов или дядюшку Фана, лежащего без движения в заполненной дымом комнате.

— Что ты ему обещала? — подозрительно спросила она.

Рин окаменела.

— Ничего.

Тетушка Фан грохнула сковородкой о стол. Рин съежилась, испугавшись, что ее кража раскрыта.

— Что плохого в замужестве? — спросила тетушка Фан. — Я вышла за твоего дядю, когда была моложе, чем ты сейчас. Все девушки в деревне выйдут замуж до семнадцати лет. Думаешь, ты чем-то лучше?

Рин почувствовала такое облегчение, что пришлось напомнить себе — надо выглядеть пристыженной.

— Нет, не думаю.

— Думаешь, это так плохо? — Голос тетушки Фан стал подозрительно тихим. — В чем дело? Ты что, боишься делить с ним постель?

Рин об этом даже не задумывалась, но теперь от одной мысли в горле встал комок.

Губы тетушки Фан изогнулись в подобии веселья.

— Хуже всего в первую ночь, не буду отрицать. Сунь в рот тряпку, чтобы не прикусить язык. И не кричи, если только он не захочет. Не поднимай головы и делай, что он скажет, превратись в его немую домашнюю рабыню, пока он не начнет тебе доверять. А когда начнет, пичкай его опиумом. Сначала понемногу, хотя сомневаюсь, что прежде он никогда не курил. А с каждым днем давай все больше и больше. Давай по ночам, сразу, как он с тобой закончит, так что он всегда будет связывать опиум с удовольствием и властью. Давай ему все больше и больше, пока он не обретет зависимость и от опиума, и от тебя. Пусть разрушит свое тело и разум. Да, ты будешь замужем за живым трупом, зато получишь все его богатство, имущество и власть. — Тетушка Фан

наклонила голову. — И будет ли тогда так же неприятно делить с ним постель?

Рин затошнило.

— Но я...

— Или ты боишься рожать? — Тетушка Фан вздернула голову. — Есть способ убивать младенцев в утробе. Ты же работаешь в аптеке. Сама знаешь. Но ты должна дать ему хотя бы одного сына. Сцементировать свою позицию первой жены, чтобы он не отдал все деньги наложнице.

— Но я этого не хочу, — выдохнула Рин.

Не хочу быть похожей на вас.

— Да кому какое дело, чего ты хочешь? — мягко сказала тетушка Фан. — Ты сирота войны. У тебя нет ни родителей, ни положения, ни связей. Тебе повезло, что инспектору плевать на красоту, ему нужна только молодость. Это лучшее, что я могу тебе предложить. Другого шанса не будет.

— Но кэцзюй...

— Но кэцзюй, — передразнила ее тетушка Фан. — Откуда ты этого набралась? Неужели думаешь, что поступишь в академию?

— Да, думаю. — Рин выпрямилась и попыталась придать словам уверенности. Успокойся. Ты можешь на нее надавить. — Вы мне разрешите. Потому что иначе власти могут спросить, откуда поступает опиум.

Тетушка Фан изучала ее долгую секунду.

— Жить надоело? — спросила она.

Рин знала, что это не простая угроза. Тетушка Фан предпочитала подчищать за собой следы. Рин уже видела, как она это делает. Всю жизнь Рин пыталась не вставать у тетушки на пути.

Но теперь пришло время бороться.

— Если я исчезну, учитель Фейрик расскажет властям, что со мной случилось, — сказала она. — И сыну вашему расскажет.

— Кесеги наплевать, — фыркнула тетушка Фан.

— Я воспитывала Кесеги. Он меня любит, — сказала Рин. — И вы его любите. И не хотите, чтобы он узнал, чем вы занимаетесь. Вот почему вы не посылаете его в лавку. Вот почему велите мне не выпускать его из комнаты, когда встречаетесь с контрабандистами.

Это решило дело. Тетушка Фан уставилась на нее с открытым ртом и раздувающимися ноздрями.

— Разрешите мне хотя бы попробовать, — взмолилась Рин. — От вас не убудет, если я стану учиться. Если я сдам экзамен, вы от меня избавитесь, а если провалю, у вас по-прежнему будет невеста.

Тетушка Фан схватила сковородку. Рин машинально напряглась, но тетушка Фан снова начала яростно надраивать сковородку.

— Если будешь заниматься в лавке, я тебя вышвырну, — заявила тетушка Фан. — Это не должно дойти до инспектора.

— Договорились, — солгала Рин сквозь зубы.

Тетушка Фан фыркнула:

— А что будет, если ты поступишь? Кто заплатит за обучение? Твой дорогой бедняк-учитель?

Рин задумалась. Она надеялась, что Фаны отдадут ей приданое в качестве денег на обучение, но теперь поняла, как глупо было на это рассчитывать.

— Обучение в Синегарде бесплатное, — заявила она.

Тетушка Фан громко рассмеялась:

— В Синегарде! Ты что, собралась сдавать экзамен в Синегард?

Рин вздернула подбородок.

— Да.

Военная академия в Синегарде была самым престижным учебным заведением в империи и готовила будущих генералов и государственных деятелей. В нее редко попадали выходцы с сельского юга, если вообще попадали.

— Да ты свихнулась, — снова фыркнула тетушка Фан. — Ладно, учись, если охота. Сдавай кэцзюй. Но если провалишься, то выйдешь замуж за инспектора. И с благодарностью.

Той ночью при украденной свече на полу тесной спальни, которую она делила с Кесеги, Рин открыла первую книгу для кэцзюй.

На кэцзюй экзаменовали по Четырем благородным предметам: истории, математике, логике и классической литературе. Имперская бюрократия в Синегарде считала эти предметы основополагающими для развития ученого и государственного мужа. Рин придется выучить их к шестнадцатому дню рождения.

Она составила плотное расписание: по две книги еженедельно, и каждый день менять предметы. Каждый вечер она закрывала лавку и

бежала к учителю Фейрику, а оттуда возвращалась домой, нагруженная новыми книгами.

Историю было выучить легче всего. История Никана представляла собой крайне занимательную сагу из постоянных войн. Империя возникла тысячелетие назад благодаря могучему мечу безжалостного Красного императора, уничтожившего разбросанные по континенту монашеские сообщества и собравшего единое государство невиданного размера. Впервые жители Никана ощутили себя единым народом. Красный император создал единый никанский язык, единые меры весов и размеров и построил дороги, объединившие обширную территорию.

Правда, новорожденная Никанская империя не пережила императора. В последующий Период сражающихся царств его многочисленные наследники превратили страну в кровавое месиво и разделили Никан на двенадцать воюющих провинций.

С тех пор огромная страна много раз объединялась, покорялась, разделялась и снова объединялась. Никан воевал и с ханами Глухостепи, и с высокими чужаками с Запада из-за большого моря. И каждый раз Никан оказывался слишком огромным, чтобы иностранная оккупация продлилась долго.

Из всех завоевателей ближе всех к успеху оказалась Федерация Муген. Островная страна атаковала Никан в то время, когда внутренние распри между провинциями достигли пика. Потребовалось две Опиумных войны и пятьдесят лет кровавой оккупации, чтобы Никан отвоевал независимость.

Императрица Су Дацзы, последний член триумvirата, захватившего власть в государстве во время Второй опиумной войны, теперь правила двенадцатью провинциями, но так и не сумела добиться такого же единства, как Красный император.

История показала, что империю Никан невозможно покорить. Но страна оставалась нестабильной и раздробленной, а текущий мирный период вряд ли продлится долго.

Из истории своей страны Рин усвоила, что в Никане постоянны только войны.

Второй предмет, математика, оказался изнурительным. Не особо сложным, но утомительным и скучным. Кэцзюй ставил целью найти не математических гениев, а людей, способных заниматься

государственными финансами и счетными книгами. Рин вела счетные книги Фанов с тех пор, как научилась считать. У нее был прирожденный талант жонглировать в голове большими числами. Ей пришлось приноровиться к абстрактным тригонометрическим теоремам, которые, как она поняла, нужны для морских сражений, но позже Рин понравилась их четкость.

Третий предмет, логика, оказался для нее совершенно чуждым. На кэцзюй предлагались логические загадки. Рин попрактиковалась на пробных задачах. Первый вопрос гласил: «Ученый, путешествующий по наезженной дороге, миновал грушу. На дереве было так много плодов, что ветки сгибались под их тяжестью. Но он не собрал груши. Почему?»

Потому что это не груша, тут же решила Рин. Потому что дерево принадлежит тетушке Фан, и она разможит путешественнику голову лопатой. Но эти ответы не содержали ни морали, ни условий загадки. Ответ должен содержаться в самом вопросе. Должна быть какая-то ловушка, противоречие в условиях.

Рин долго размышляла, прежде чем ее осенило: если по дороге ездит много людей, то с фруктами что-то не так.

Чем больше она тренировалась, тем больше рассматривала вопросы как игру. И разгадывать их было очень интересно. Рин чертила в пыли диаграммы, изучала структуры силлогизмов и запоминала часто встречающиеся логические ловушки.

Самым трудным предметом оказалась классическая литература. Она была исключением из расписания — классиков Рин изучала каждый день.

В этой секции кэцзюй требовалось процитировать, проанализировать и сравнить тексты из списка двадцати семи книг, написанных не на современном языке, а на старониканском, печально знаменитом непредсказуемыми грамматическими конструкциями и сложным произношением. Книги содержали поэмы, философские трактаты и эссе по искусству управления государством авторства легендарных ученых Никана. Предполагалось, что они должны очертить мораль и характер будущего государственного деятеля. И все эти книги без исключения были безнадежно запутанными.

В отличие от логики и математики Рин так и не сумела понять классиков. Это требовало базовых знаний, которые большинство

учеников накапливали с тех пор, как научились читать. За два года Рин предстояло освоить то, что другие учили пять полных лет.

И для этого она выработала необычную систему запоминания.

Бродя по старым стенам, окружающим Тикани, она читала книги задом наперед. Декламировала скороговоркой, перепрыгивая по сваям через озеро. Бормотала себе под нос в лавке, раздраженно огрызаясь, когда покупатели что-то просили. Она не разрешала себе заснуть, пока не повторит дневной урок без запинки. Она просыпалась, шепча классические тексты, и это пугало Кесеги, который решил, что она одержима призраками. В каком-то смысле так и было — Рин снилось, как давно умершие люди читают старинные поэмы, и она просыпалась в холодном поту, когда не могла их правильно вспомнить.

«Небесный Путь влечет по кругу, не воздвигая преград, и потому все сущее свершает в нем свою судьбу. Путь предков влечет по кругу, не воздвигая преград, и потому весь мир ему покорен. Путь мудрецов влечет по кругу, не воздвигая преград, и потому все живое в пределах морей ему послушно».

Рин отложила трактат Чжуан-цзы и нахмурилась. Она не только не имела понятия, о чем пишет Чжуан-цзы, но и не могла разобраться, зачем писать с таким раздражающим многословием.

Из прочитанного Рин понимала не много. Даже ученым с горы Юэлу непросто было понимать классиков, а Рин и подавно не стоило рассчитывать самостоятельно найти смысл в этих текстах. А поскольку времени, чтобы глубоко покопаться в этих книгах, у нее не было, и она не сумела придумать мнемоническую систему для запоминания, то пришлось просто зазубрить книги слово в слово в надежде, что этого хватит.

Она повсюду ходила с книгой. Училась за едой. А когда уставала, воображала картины самого страшного будущего.

Вот ты идешь по проходу в платье не по фигуре. Ты дрожишь. А в конце ждет он. Смотрит на тебя, как на сочную, откормленную свинью, кусок мраморного мяса, которое он купил. По его сухим губам текут слюни. Во время всей трапезы он не сводит с тебя взгляда. А когда она закончена, несет тебя в спальню. Толкает на простыни.

Она содрогнулась и зажмурилась. А когда открыла глаза, нашла нужное место на странице.

К пятнадцатому дню рождения в голове Рин содержался обширный запас древней никанской литературы, и большую часть она могла процитировать наизусть. Но по-прежнему совершала ошибки — пропускала слова, путала сложные грамматические конструкции и меняла порядок слов.

Она знала, что для экзамена в педагогическую или медицинскую академию этого вполне достаточно. Рин подозревала, что может даже поступить к ученым на горе Юэлу, где самые блестящие умы Никана создавали впечатляющую литературу и размышляли над загадками природы.

Но Рин не могла себе позволить эти академии. Ей нужно сдать экзамен в Синегард. Причем попасть в число лучших не только в своей деревне, но и в стране. А иначе два года учебы потрачены впустую.

Память должна быть идеальной.

Рин перестала спать.

Глаза покраснели и распухли. Голова гудела от бесконечной зубрежки. Однажды вечером, когда Рин зашла к учителю Фейрику за новыми книгами, она никак не могла сфокусировать взгляд. Уставилась куда-то мимо учителя. Его слова проплывали над головой, как облака, Рин едва осознавала его присутствие.

— Рин. Посмотри на меня.

Она резко выдохнула и усилием воли сфокусировала взгляд на неясной форме.

— Как у тебя дела? — спросил он.

— У меня не получится, — прошептала она. — Осталось только два месяца, я не успею. Все выскакивает из головы так же быстро, как и вливается в нее.

Ее дыхание участилось.

— Ох, Рин...

И тут из нее полились слова. Она говорила быстро, не задумываясь.

— А что будет, если я не пройду? Если в конце концов выйду замуж? Наверное, я его убью. Задушу во сне. Тогда я унаследую его состояние? Это нормально? — Она истерически засмеялась. По щекам катились слезы. — Это проще, чем травить его опиумом. Никто и не узнает.

Учитель Фейрик быстро встал и поставил перед ней стул.

— Сядь, дитя.

Рин задрожала.

— Я не могу. До завтра мне нужно закончить трактат Фу-цзы.

— Сядь, Рунин.

Она опустилась на стул.

Учитель Фейрик сел напротив и взял ее за руки.

— Я расскажу тебе историю, — сказал он. — Однажды, не так давно, жил один мальчик, выходец из бедной семьи. Он был слишком слаб для долгой работы в поле, и чтобы обеспечить родителей в старости, мог только получить государственную должность с щедрым жалованьем. Для этого он поступил в академию. На последние сбережения он купил учебники и зарегистрировался на кэцзюй. Он очень уставал, потому что целый день трудился в поле, а учился по ночам.

Глаза Рин закрылись. Плечи отяжелели, она подавила зевок.

Учитель Фейрик щелкнул перед ней пальцами.

— Тому мальчику нужно было найти способ, чтобы не заснуть. Он приколол конец своей косички к потолку, так что каждый раз, стоило ему клюнуть носом, как волосы на голове натягивались, и его пробуждала боль. — Учитель Фейрик дружелюбно улыбнулся. — Ты почти готова, Рин. Осталось еще чуть-чуть. Пожалуйста, не убивай своего мужа.

Но она уже не слушала.

— Боль заставила его сосредоточиться, — сказала она.

— Вообще-то, суть не в этом...

— Боль заставила его сосредоточиться, — повторила Рин.

Боль и ее заставит сосредоточиться.

И Рин поставила свечу рядом с книгами так, чтобы та капнула горячим воском на руку, если Рин уснет. Когда от боли глаза наполнялись слезами, Рин вытирала их и продолжала заниматься.

В день экзамена ее руки были покрыты шрамами от ожогов.

Позже учитель Фейрик спросил ее, как прошел экзамен. Она не могла рассказать. Через несколько дней Рин уже не помнила те кошмарные, выматывающие часы. В памяти образовался провал. Она пыталась вспомнить, как отвечала на тот или иной вопрос, но мозг сжимался и не позволял оживить воспоминания.

Да она и не хотела их оживлять. Ей не хотелось к этому возвращаться.

Все семь дней, пока не объявили результаты. Все экзаменационные листы в провинции проверили дважды и трижды.

Для Рин эти дни были невыносимыми. Она почти не спала. Два предыдущих года она заполняла дни неистовой учебой. А теперь ей стало нечем заняться — будущее выскальзывало из рук, и от этого понимания она чувствовала себя еще хуже.

Своим нетерпением она всех выводила из себя. Совершала ошибки в лавке. Устроила неразбериху на складе. Огрызалась на Кесеги и ругалась с Фанами чаще, чем следовало.

Она не раз подумывала украсть еще одну порцию опиума и выкурить его. Рин слышала, что некоторые женщины деревни кончали с собой, проглатывая сразу всю порцию. И темными ночами она подумывала и об этом.

Все вокруг происходило в замедленном темпе. Рин двигалась машинально, словно по воле ветра, вся ее жизнь зависела от единственной оценки.

Она размышляла, не составить ли план побега на всякий случай, если все-таки не сдаст экзамен. Но мозг отказывался об этом думать. Она просто не могла думать о жизни после кэцзюй, потому что и не было никакой жизни после кэцзюй.

Рин пришла в такое отчаяние, что впервые в жизни начала молиться.

Фаны были далеки от религии. Они изредка посещали деревенский храм, главным образом, чтобы передать пакетики с опиумом перед золотым алтарем.

И в пренебрежении к религии они были не одиноки. Когда-то монастыри имели даже большее влияние на страну, чем сейчас заместники, но потом по континенту прошел Красный император в славном стремлении к объединению, оставив после себя лишь перерезанных монахов и пустые храмы.

Монастыри исчезли, но остались многочисленные боги, представляющие все аспекты жизни — от любви и войны до таких бытовых забот, как кухня и домашнее хозяйство. Кое-где эти традиции еще хранились преданными почитателями, вынужденными скрываться, но для большинства жителей Тикани посещение храмов

превратилось в привычку. Никто на самом деле не верил — по крайней мере, никто в этом не признавался. Боги для никанцев были реликтами прошлого из мифов и легенд, не больше.

Но Рин решила использовать все возможности. Однажды она выбралась из лавки пораньше и преподнесла Четырём богам дары из булочек и жареного корня лотоса.

В храме стояла тишина. В полдень Рин оказалась в нём в одиночестве. Четыре статуи безмолвно взирали на неё крашеными глазами. Рин задумалась. Она точно не знала, которой нужно молиться.

Конечно, она знала их имена — Белый тигр, Черная черепаха, Лазоревый дракон и Багряная птица. А ещё знала, что они представляют четыре части света, но составляют лишь малую часть обширного пантеона богов, которым поклоняются в Никане. В храме также имелись алтари менее значительных богов-хранителей, свитки с их изображениями висели на стенах.

Так много богов. Какой из них отвечает за оценки на экзаменах? Какой бог покровительствует незамужним продавщицам, желающим изменить свою судьбу?

Она решила помолиться сразу всем.

— Если вы существуете, если вы там, помогите мне. Помогите выбраться из этой дыры. А если не сумеете, то хотя бы устройте инспектору сердечный приступ.

Она оглядела пустой храм. Что дальше? Рин всегда воображала, что при молитве недостаточно просто сказать что-то вслух. Она заметила у алтаря несколько неиспользованных палочек с благовониями. Зажгла одну, окунув в лампаду, и помахала ей в воздухе.

Может, так дым улетит к богам? Или она сама должна вдохнуть благовония? Рин как раз поднесла горящий конец к носу, и тут из-за алтаря появился хранитель.

Они уставились друг на друга.

Рин медленно отодвинула палочку от носа.

— Здравствуйте, — сказала она. — Я молюсь.

— Пожалуйста, уходи, — сказал хранитель.

Результаты экзаменов должны были вывесить в полдень перед экзаменационным залом.

Рин рано закрыла лавку и за полчаса до этого события пошла в город с учителем Фейриком. У столба уже собралась толпа, они нашли тенистый уголок в сотне метров от столба и стали ждать.

Собралось так много людей, что Рин не могла разглядеть, как вывешивают списки, но поняла это, потому что поднялся крик и толпа бросилась вперед, неся с собой и Рин с учителем Фейриком.

Сердце Рин колотилось так быстро, что она едва могла дышать. Она не видела ничего, кроме людских спин. Казалось, ее вот-вот стошнит.

Когда они наконец-то пробились вперед, Рин долго не могла найти свое имя. Она изучила нижнюю половину списка, едва осмеливаясь дышать. Уж конечно, она не могла попасть в первую десятку.

Но нигде не видела Фан Рунин.

И лишь взглянув на учителя Фейрика и заметив его слезы, она поняла, что случилось.

Ее имя стояло самым первым. Она не просто вошла в первую десятку. Она стала лучшей во всей деревне. Во всей провинции.

Она подкупила учителя. Украла опиум. Жгла себе кожу, лгала приемным родителям, забросила обязанности в лавке и нарушила брачные обязательства.

И теперь отправится в Синегард.

Глава 2

В последний раз, когда студент из Тикани поехал в Синегард, городской глава устроил трехдневный фестиваль. Слуги носили по улицам корзины с фасолевыми кексами и кувшины с рисовым вином. Ученик, племянник городского главы, отбыл в столицу под приветственные крики пьяных крестьян.

В этом году знать Тикани была выбита из колеи тем, что только сирота из лавки получила место в Синегарде. В экзаменационный центр послали несколько анонимных запросов. Когда Рин вошла в здание городской управы, чтобы зарегистрироваться, надзиратели битый час пытались выудить у нее признание в обмане.

— Вы правы, — сказала она. — Я получила ответы от администратора экзамена. Обольстила его своим соблазнительным юным телом. Вы меня поймали.

Надзиратели не могли поверить, что девочка, официально не посещавшая школу, могла сдать кэцзюй.

Она показала шрамы от ожогов.

— Мне нечего вам сказать, потому что я никого не обманула. И у вас нет доказательств обратного. Я готовилась к экзамену. Истязала себя. Читала до рези в глазах. Вы меня не запугаете, я не признаюсь, потому что говорю правду.

— Подумай о последствиях, — рявкнула надзирательница. — Ты понимаешь, насколько они серьезны? Мы можем аннулировать твою оценку и отправить тебя в тюрьму. Ты умрешь, прежде чем сумеешь выплатить все штрафы. Но если признаешься, мы спустим дело на тормозах.

— Нет, это вы подумайте о последствиях, — огрызнулась Рин. — Если вы аннулируете мои оценки, это значит, что простая продавщица достаточно умна, чтобы обойти ваши знаменитые препоны для списывания. То есть вы не выполнили свою работу. Уверена, городской глава будет счастлив возложить вину на вас, вне зависимости от того, был ли обман на самом деле или нет.

Неделю спустя с нее сняли все обвинения. Городской глава официально объявил, что произошла ошибка. Он не назвал Рин

обманщицей, но и не признал ее оценку. Надзиратель велел Рин уехать тайно, угрожая в противном случае задержать ее в Тикани.

Рин знала, что он блефует. Поступление в академию Синегарда равнозначно получению вызова от императорского двора, и если власти провинции будут чинить Рин препятствия, их обвинят в государственной измене. Вот почему и Фаны не мешали ей уехать, как бы им ни хотелось выдать ее замуж.

Рин не нуждалась в подтверждении оценки в Тикани — ни от главы города, ни от знатных семейств. Она уезжала, она нашла выход, и только это имело значение.

Формы были заполнены, письма отправлены. Рин надлежало приехать в Синегард в начале следующего месяца.

Прощание с Фанами по понятным причинам было коротким. Никто не притворялся, что будет тосковать.

Лишь Кесеги, сводный брат Рин, по-настоящему расстроился.

— Не уезжай, — хныкал он, цепляясь за ее походный плащ.

Рин присела и крепко обняла Кесеги.

— Я бы все равно тебя покинула, — сказала она. — Если бы не уехала в Синегард, то перебралась бы в дом мужа.

Кесеги не хотел ее отпускать. Он что-то жалобно мямлил.

— Не оставляй меня с ней.

У Рин сжалось сердце.

— У тебя все будет хорошо, — прошептала она ему на ухо. — Ты же мальчик. И ее сын.

— Но так нечестно.

— Такова жизнь, Кесеги.

Кесеги захныкал, но Рин высвободилась из его тисков и встала. Он обхватил ее за талию, но Рин оттолкнула его — сильнее, чем намеревалась. Кесеги качнулся, а потом громко заплакал.

Рин отвернулась от залитого слезами лица и сделала вид, что завязывает дорожную сумку.

— Ох, да заткнись ты.

Тетушка Фан схватила Кесеги за ухо и дергала, пока плач не прекратился. Она сердито взглянула на Рин, стоящую в дверях в простой дорожной одежде. Близилось к концу лето, и Рин надела легкую хлопковую рубашу и изношенные сандалии. В потрепанной сумке через плечо она несла единственную смену одежды. Туда же Рин

сунула и томик Мэн-цзы, набор кистей для письма (подарок учителя Фейрика) и кошелек. В этой сумке лежало все ее имущество.

Тетушка Фан скривила губы.

— В Синегарде тебя живьем сожрут.

— Я рискну, — отозвалась Рин.

К облегчению Рин, городская управа выдала ей два ляна на проезд — глава города был вынужден подчиниться требованию императорского двора и покрыть расходы. За полтора ляна Рин и учитель Фейрик купили два места в караване, идущем на север, в столицу.

— Во времена Красного императора невеста вместе с приданым могла путешествовать без сопровождения от самого южного края провинции Петух до самого северного уголка гор Удан, — не мог удержаться от лекции учитель Фейрик, когда они садились в повозку. — А в наши дни даже одинокий солдат не пройдет и двух миль.

Уже давно гвардия Красного императора не патрулировала горы Никана. Одинокого путника на многочисленных дорогах империи могли ограбить, убить или даже съесть. Иногда и то, и другое, и третье. И необязательно в таком порядке.

— Вы платите не просто за место в повозке, — сказал предводитель каравана, сунув монеты в карман. — Это плата за охрану. Наши люди — лучшие в своем деле. Если наткнемся на «Оперу», они сами нас испугаются.

«Опера красной джонки» была религиозной группой, состоящей из бандитов и отщепенцев, которые после Второй опиумной войны покушались на жизнь императрицы. Теперь они остались только в легендах, но еще царили в воображении жителей Никана.

— «Опера»? — Учитель Фейрик рассеянно потеревил бороду. — Я уже много лет о них не слышал. Они еще существуют?

— В последние лет десять притихли, но говорят, их видели у гряды Кухонин. Если повезет, мы о них не услышим. — Предводитель каравана поправил пояс. — Пойду погружу ваши вещи. Хочу отправиться в путь до жары.

Караван провел в пути три недели, раздражающе медленно пробираясь на север. Учитель Фейрик всю дорогу скармливал Рин истории о своих приключениях в Синегарде много лет назад, но

потрясающие воображение описания города лишь подстегивали ее нетерпение.

— Столица стоит у подножия гор Удан. Дворец и академия построены на склоне, но остальной город лежит в долине внизу. Порой в туманный день, когда стоишь на гребне, кажется, будто ты забрался выше облаков. Один лишь столичный рынок больше всего города Тикани. Там легко можно заблудиться. Ты увидишь там музыкантов, играющих на тыквенных трубах, уличных торговцев, которые могут поджарить блин в виде твоего имени, каллиграфов, за два медяка нарисующих опахало прямо у тебя на глазах. Кстати, о деньгах. Нужно где-то их поменять.

Учитель Фейрик похлопал по карману, где хранил остаток денег на проезд.

— А разве на севере не принимают ляны и медяки? — спросила Рин.

Учитель Фейрик хмыкнул:

— Ты ведь никогда не покидала Тикани, верно? В империи в ходу, наверное, двадцать разных монет — черепаший панцири, ракушки-каури, золото, серебро, медь... У каждой провинции свои деньги, потому что они не доверяют имперской бюрократии с поставками монет, а у самых крупных провинций — по два-три вида денег. В качестве стандарта везде принимают только серебряные монеты Синегарда.

— И сколько мы получим взамен на эти? — спросила Рин.

— Немного. Но чем ближе подъедем к городу, тем хуже будет обменный курс. Лучше сделать это еще в провинции Петух.

Учитель Фейрик не уставал предупреждать Рин об опасностях столицы:

— Всегда держи деньги в переднем кармане. Воры в Синегарде отчаянные и дерзкие. Однажды я схватил ребенка, когда он запустил руку мне в карман. И даже после этого он дрался за мою монету. Все попытаются тебе что-нибудь продать. Услышав стряпчего-зазывалу, смотри вперед и делай вид, что не слышала, иначе он будет преследовать тебя целый день. Им за это платят. Держись подальше от винных лавок. Если кто-то будет предлагать тебе кувшин вина из сорго меньше чем за одну монету, это поддельный напиток.

— Как можно подделать спиртное? — поразились Рин.